

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.4>

Богданова Ольга Владимировна

ИДЕЙНО-СТРУКТУРНЫЕ НАПЛАСТОВАНИЯ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА "ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ"

В статье предлагаются новые ракурсы рассмотрения военного рассказа Андрея Платонова "Взыскание погибших" ("Мать"). В работе показано, что текст хрестоматийно известного платоновского рассказа на самом деле не един и мало каноничен, так как создавался в несколько этапов и состоит из различных текстологических напластований, которые связаны со временем создания рассказа - во-первых, советским, во-вторых, военным, - и опосредован разнонаправленными интенциями автора. В работе вычленяются разнородные и неорганичные пласты текста, фактически "расчищается" рассказ в рассказе, что заставляет по-новому взглянуть на интерпретацию "канонического" текста, его агиографических мотивов и христианских концептов-символов, в том числе иконографического названия (по чудотворной иконе "Взыскание погибших").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 21-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-32

Дата поступления рукописи: 20.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.4>

В статье предлагаются новые ракурсы рассмотрения военного рассказа Андрея Платонова «Взыскание погибших» («Мать»). В работе показано, что текст хрестоматийно известного платоновского рассказа на самом деле не един и мало каноничен, так как создавался в несколько этапов и состоит из различных текстологических напластований, которые связаны со временем создания рассказа – во-первых, советским, во-вторых, военным, – и опосредован разнонаправленными интенциями автора. В работе вычлениваются разнородные и неорганичные пласты текста, фактически «расчищаются» рассказ в рассказе, что заставляет по-новому взглянуть на интерпретацию «канонического» текста, его агиографических мотивов и христианских концептов-символов, в том числе иконографического названия (по чудотворной иконе «Взыскание погибших»).

Ключевые слова и фразы: русская проза; Андрей Платонов; рассказ «Взыскание погибших» («Мать»); нарративные пласты.

Богданова Ольга Владимировна, д. филол. н., профессор

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
olgabogdanova03@mail.ru

ИДЕЙНО-СТРУКТУРНЫЕ НАПЛАСТОВАНИЯ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»

О рассказе Андрея Платонова «Взыскание погибших» написано большое количество литературоведческих работ [1-3; 5; 8-12]. Интерпретации подвергались различные уровни текста – от образно-мотивного и нарративного до структурно-композиционного и жанрового. Доминантным аспектом исследований, как правило, становилась проблема авторского диалога с христианской традицией [1; 10; 11]. Однако, несмотря на серьезную исследованность платоновского текста, он продолжает хранить в себе неистолкованные семантические ракурсы и смысловые парадоксы. **Актуальность** настоящего исследования объясняется, таким образом, необходимостью нового прочтения платоновского рассказа. **Научная новизна** обусловлена отсутствием в современном литературоведении работ, предлагающих осмысление хрестоматийного рассказа А. Платонова в контексте христианской образности с учетом и социокультурного контекста и проявления авторских интенций. **Цель** – вычленивать и проанализировать различные текстологические напластования в структуре произведения. Цель определила **задачи** статьи: с одной стороны, осмысление собственно писательской (авторской) позиции, с другой – ее современную интерпретацию.

Как известно, рассказ «Взыскание погибших» был опубликован в газете «Красная звезда» 28 октября 1943 года – именно на этом основании рассказ квалифицируется как «военный». Между тем идеологема «взыскание погибших» появилась в творчестве Платонова много раньше.

С одной стороны, тема-мотив «взыскания погибших» обнаруживается в рукописях Платонова, относящихся к началу 1930-х годов, и значится в названии незавершенного наброска пьесы «Взыскание погибших». По свидетельству исследователя Е. И. Колесниковой, в сохранившемся фрагменте нет прочерченного сюжета пьесы, но точно указано время действия – «Лето 1932 года» и представлены 3 варианта действующих лиц:

«1. Генерал. Адьютант. Европейец. Евг<ения> Андр<еевна> Пенкина. Петров, идиот. Немой. Европейка. Пленный красноармеец.

2. Мерклин Ефрем Исаевич. Комягин, <нрзб>, товарищ. Жена Мерклина. Европейский офицер. Европейский солдат. Европейка. Советский воздушный инженер (пленник) – летчик. Командир Кр<асной> Армии. <нрзб>. <нрзб>. Петров, идиот. Немой.

3. Суенита – европейка. Бенедикт Эндвад – европ<ейский> офицер. Генрих Ож – европейский солдат, б<ывший> безработный. Петров, русский идиот» [5, с. 322-323].

Вряд ли пьеса была как-то связана с будущим (каноническим сегодня) рассказом, но примечательно, что в готовившейся драме, связанной с «империалистической тематикой», во всех трех вариантах среди действующих лиц константными оказываются *убогие* и *блаженные* – Немой и Петров, «русский идиот». То есть окологрехристианская семантика могла проступать уже и в обдумываемой драме.

С другой стороны, среди рукописей Платонова, относящихся к более позднему времени, к августу 1941 года (хотя все еще более раннему, чем появление рассказа), значится «некий» текст-рассказ «Взыскание погибших», который (в опровержение предположений Е. Н. Проскуриной [8]) не может быть даже отдаленно связан со смертью сына писателя, которая произошла двумя годами позже. Но этот текст уже непосредственно опирается на события военного времени и в жанровом отношении представляет собой рассказ.

Наконец, известно и то обстоятельство, что рассказ «Взыскание погибших» (вышедший в 1943 году под названием «Мать», вероятно, не пройдя советскую цензуру) был мало похож на тот, что сегодня может быть признан «классическим», ибо подвергался писательской правке, фактически (или отчасти) был переписан Платоновым.

Речь идет о том, что рассказ, размещенный в газете «Красная звезда», был посвящен одному из эпизодов битвы за Киев, героической переправе советских войск через Днепр. Однако позже Платонов изменил сюжет, убрал упоминание о Днепре, скорректировал хронотоп рассказа, вместо Украины нарратив перенес в Воронежскую область, о чем свидетельствовал новый рассказовый топоним – не Киев и не Днепр, но появившийся

теперь в тексте Митрофаньевский тракт. Учитывая воронежское происхождение Платонова, можно проследить динамику художественной трансформации рассказа: события *дальние* превращаются в *близкие*, эпизоды *чужие* обретают окраску *своих*, *коллективное* оборачивается *частным*. То есть по мере работы над текстом (точнее его переработки) рассказ обретает все более личностный характер – и в нем (действительно) начинали проступать аллюзии к имени матери писателя Марии Васильевны (умершей в 1929 году) и к судьбе почившего сына Платона (начало 1943 года). При этом исследователям позволительно говорить о том, что «имя Св. Митрофана (речь о Митрофаньевском тракте. – О. Б.) освящает воронежское пространство жизни, не замыкая, а размыкая его в христианское пространство общенациональной жизни» [10, с. 207], однако, судя по авторской правке, вектор интенций писателя был парадоксально противоположен, инаправлен: не от частного к общему, но наоборот. И хотя последнее утверждение не противоречит «размыканию» текста в широкое «христианское пространство общенациональной жизни», с нашей точки зрения, роль топонима «Митрофаньевский тракт» – не столько христианизующая, сколько локализирующая, привязывающая образ-топоним к знакомой близкой местности, к образу малой родины. Узнаваемый географический топоним *субъективирует* платоновскую нарративную, как и сопутствующие этой доминанте корректирующие трансформации-переделки.

То есть уже только на предварительном уровне знакомства с рассказом «Взыскание погибших» становится очевидным, что текст рассказа не однороден, ибо задумывался, опробовался, создавался и корректировался в разное время и в различных направлениях¹. Справедливо предположить, что в окончательном тексте *должны* проступать черты и знаки текстовых наслоений, угадываться и просматриваться рудименты прежних планов и воплощений.

Между тем, как бы то ни было, совершенно очевидно, что важнейшее и неотъемлемое качество платоновской повествовательной стратегии – теоморфизм. Художественная модель мира, которую формирует и возводит Платонов в тексте, исконно и исходно религиозна, пронизана библейскими мотивами, символами, аллюзиями – новозаветным подтекстом и сверхтекстом. Очевидно, что в рассказе «Взыскание погибших» эта связь эксплицирована уже названием, отсылающим к одноименной иконе Божьей Матери. Об этом писали многие исследователи и предлагали свои – самые емкие и разноплановые – интерпретации.

Так, петрозаводский ученый И. А. Спиридонова пишет: «Заявленная в названии, икона “Взыскание погибших” является главным художественным кодом и одновременно ключом к содержанию произведения...» [11, с. 346]. По мысли воронежского исследователя О. Ю. Алейникова, агиографические мотивы плотно пронизывают весь текст рассказа [1].

Однако интерпретации, которые дают заглавному образу современные ученые, столь образны и метафоричны – *поэтичны* по сути, что нередко смысл привносимых интерпретаций расходится с семантикой (пра)евангелического текста (текстов) и привносит смысловые оттенки не только отдаленные, но и чужеродные.

Одни исследователи возводят мотив «взыскания погибших» к Новому Завету, к свидетельству Луки и связывают его с образом Сына Божьего: Сын Божий, посланный Отцом на землю, «пришел взыскать и спасти погибшее...» (Лк. 19:10).

Другие делают акцент на Богородичном имени, утверждая, что «Взыскание погибших» – одно из имен Богородицы. В качестве доказательства приводится Акафист Пресвятой Богородице пред иконой «Взыскание погибших»: «О, Пресвятая и Преподобная Дево, Владычице Богородице, Споручнице грешных и *Взыскание погибших!* Призри милостивным Твоим оком на нас, предстоящих пред святою иконою Твоею и со умилением молящихся Тебе: воздвигни нас из глубины греховныя, просвети ум наш, омраченный страстями, и уврачуи язвы душ и телес наших» (молитва вторая).

Третьи предлагают более широкую трактовку заглавного образа: «Сакральное словосочетание “Взыскание погибших”, означающее последнюю надежду всех отчаявшихся, в равной мере относится ко всем персонажам и задает повествованию трагическую модальность» [5, с. 176-177].

По мысли самарско-воронежского ученого В. П. Скобелева, в характерной для Платонова оппозиции «жизнь – смерть» «взыскание погибших» есть мотив «воскрешающей любви к мертвым» [9, с. 621].

Большинство исследователей соглашаются с утверждением, что словосочетание «взыскание погибших» в Новом Завете (и соответственно у Платонова) синонимично «спасению погибших», «воскрешающей любви», «родительской скорби».

Каждую из предложенных интерпретаций можно признать допустимой, но каждая из них в разной степени связана с молением перед иконой «Взыскания погибших».

Как известно, икона «Взыскание погибших» издавна почиталась на Руси (по преданию, она появилась в VI веке в городе Адане), являла милость и заступничество Богородицы, прославилась многими чудесами. Примечательно, что слово «погибший» в иконическом контексте не означает «умерший»: «погибший» – тот, кто находится на грани духовной (или физической) гибели. В любом случае правы те исследователи, которые связывают мотив «взыскания погибших» прежде всего с образом Богородицы, но не Сына. Другое дело, к какому образу относится номинация «погибший» в рассказе Платонова – к образу матери или образам ее детей? Или, может быть, к охваченному войнами и бедами миру? Взыскивают погибшие? Или взыскует мать? Прощения просят люди? Или героиня-старуха? Спасается, воскрешает, прощает – кто? И получено ли прощение? Если да, то кто его дарует?

Духовное значение иконы «Взыскание погибших» для верующих состоит в том, что к ней обращаются те, кто находится *на грани* гибели, или те, кто пребывает в *отчаянии* (второе название иконы – «Избавление от бед страждущих»). И в этом чудотворная икона как будто бы мало чем отличается от других.

¹ Одним из самых безжалостных ретуширований текста Платонова отличается издание, вышедшее под эгидой ИМЛИ РАН [7]; реконструкция текста Н. В. Корниенко.

Однако есть особенность – к иконе «Взыскание погибших» обращаются в первую очередь те, кто «потеряли веру или чувствуют, что вера слабеет», «чувствуют, что теряют веру... во все хорошее, что приносит жизнь». И – только во вторую очередь – те, кто «потеряли своих близких и надеются их отыскать» [4]. К какой ипостаси чудотворящей иконы взывал Платонов?

Очевидно, что глубоко верующий Платонов знал и ощущал особость и особенность этой иконы, осознавал ее исключительное назначение. И тогда становится понятным, допустимым и возможным, что в тексте рассказа в первую очередь речь идет об отчаянии героини-матери. О разочаровании. О конце света. И эти мотивы отчетливым образом представлены в тексте – мать отчаялась, устала от жизни, потеряла жизненный смысл и представление о собственном предназначении в мире.

Об этом свидетельствует сам облик героини, ее вид, в котором она появляется перед читателем-реципиентом. «Она шла по полям, тоскующая, простоволосая, со смутным, точно ослепшим, лицом. И ей было *все равно*, что сейчас есть на свете и что совершается в нем, и ничто в мире *не могло ее ни потревожить, ни обрадовать*, потому что горе ее было вечным и печаль неутолимой – мать утратила мертвыми всех своих детей. Она была теперь столь *слаба и равнодушна ко всему свету*, что шла по дороге подобно усохшей былинке, несомой ветром, и все, что она встретила, тоже осталось *равнодушным* к ней. И ей стало еще более трудно, потому что она почувствовала, что *ей никто не нужен*, и она за то *равно никому не нужна*» [6].

Мотив отчаяния героини выразительно передан Платоновым и поддержан (усилен) мотивом равнодушия (*ее и к ней*). NB: в одном абзаце слова с корнем *равн-* (*равнодушие*) использованы прозаиком четыре (!) раза. Равнодушие – главенствующее состояние психологических переживаний (= бесчувствия) героини Платонова.

В этом отношении странным выглядит интерпретация облика матери, даваемая некоторыми исследователями. Так, И. А. Спиридонова пишет, что образ матери хранит «божественный свет человечности», (как будто бы) подтверждая эту мысль цитатой: «Они (враги. – *И. С.*) ужаснулись *вида человечности* на ее лице... В жизни бывает этот смутный свет на лицах людей, пугающий зверя и враждебного человека, и таких людей никому не посылно погубить... Зверь и человек охотнее сражается с подобными себе, но неподобных он оставляет в стороне, боясь испугаться их и быть побежденным неизвестной силой...» [11, с. 346]. Однако оборот «вид человечности» обретает у Платонова противоположный исходно-первоначальному смысл – окружающих удивляет не вид человечности, а как раз отсутствие человечности на лице старухи, ибо она уже не человек, она подобна сухой былинке. На ее лице – «*отчужденный свет*». Она живет «*как мертвая*». Характерная для Платонова «неправильность» речи («утратила мертвыми всех своих детей» – правильное было бы: «утратила живыми...») и в данном случае наполняется обратным смыслом: вид человечности = виду нечеловеческому, опустошенному, неживому. Потому и сердце героини, по словам писателя, «опустело».

Желание «приписать» рассказу Платонова («обнадеживающий») гуманистический пафос заставляет исследователей говорить о «неопустошенности» матери: «Горе матери, у которой война отняла всех детей, убило, но *не опустошило* ее. И в смертном горе мать хранит в душе божественные смыслы жизни. <...> Пока горюет Мария Васильевна, пока выплакивает на могиле детей свою безгрешную материнскую вину (не уберегла, не защитила), опустошенный войной *мир не кажется пустым*, он наполнен покаянием, любовью, долженствованием, верой и надеждой» [10, с. 208]. Но в данном случае исследователь отходит от «ключевого» (по ее же словам) образа-мотива (и иконы) «Взыскание погибших»: вынесенный писателем образ именно этой иконы (и соответствующей ей философы) как раз и подчеркивает (акцентирует и аккумулирует) отчаяние и пустоту мира, в котором пребывает героиня, – «уже близко находился *конец света*». Духовная семантика иконы, название которой вынесено в заглавие рассказа, подчеркивает именно этот ракурс – опустошение, отчаяние, равнодушие, отсутствие жизненных сил, готовность к смерти (героини-матери).

Единственная тонкая нить, которая привязывает героиню к этому свету, – возвращение «домой» (дважды), «в свой дом» (трижды), в «родное место», где она прежде «жила» и где «в битве и в казни скончались ее дети». Героиня возвращалась домой, чтобы «умереть сама по себе», рядом с могилой ее детей. В этом ее спасение, и через «второе» название иконы («Избавление от бед страждущих») – в этом ее избавление от земных бед и страданий.

Развитие мотива отчаяния и земных страданий достигает своей кульминации при встрече героини с соседкой Дуней – стержневой мотив дублируется и множится: у обеих героинь «поровну никого нету». Описание места, куда приходит главная героиня, поддерживает и оттеняет трагическую тональность наррации: «Маленький бедный дом на одно семейство... *давно погорел* от немецкого огня и оставил после себя *угли*, уже порастающие травой *могильного погребения*. И все соседние жилые места, весь этот старый город тоже *умер*, и стало всюду вокруг *светло* (= пусто. – *О. Б.*) и *грустно*, и видно далеко окрест по *умолкшей* земле. Еще пройдет немного времени, и место жизни людей зарастет *свободной* (= равнодушной. – *О. Б.*) травой, его *задают* ветры, *сравняют* дождевые потоки, и тогда *не останется следа* человека, а все *мученье* его существования на земле *некому* будет понять и унаследовать в добро и поучение на будущее время, потому что *не станет в живых никого*» [6].

Платонов и его героиня выписывают образ всеобщего запустения и опустошения, действительно наставшего «конца света». Поиск платоновскими героинями вшей в грязных волосах друг друга привносит оттенок «оживотнивания» человека, своеобразного обратного (де)эволюционного расчеловечения¹ – это у обезьян вылавливание насекомых в шкурах соплеменников есть проявление заботы и расположения друг

¹ Несомненно, что в этом эпизоде в первую очередь звучит мотив человеческого родства и близости, эксплицируемый Платоновым, но в ракурсе интересующей нас проблемы сейчас важен иной аспект сцены – мотив расчеловечения.

к другу. Платоновские героини словно бы невольно (обстоятельствами внешней жизни) оказались на пути обратной эволюции, расчеловечения, обесчеловечивания. В этом мире – живых никого нет.

Персонажи Платонова находятся на самом дне (не)возможного существования (не-жизни). Их жизнь (как уже было сказано) – мертвая. Потому приход героини в родные места и свидание с могилкой детей (утрамбованных фашистскими танками¹) должен стать концом ее пути, итогом скитаний обессиленной старухи-матери. По логике художественных законов она должна была умереть, тихо заснуть («она задремала и уснула») на могиле «нагих... умерщвленных, поруганных и брошенных в прах» детей. Так и происходит в рассказе – «ей и жить-то уж нечем было», потому «ее сердце ушло».

«Простая» история героини, обыденность и константность свершившегося (повторившегося в судьбе соседки Дуни) должны были стать «осуждением всему миру-злодею». И этого, кажется, достаточно для завершения рассказа. Надо полагать, что эта история действительно и должна была иметь название «Мать», исчерпывающее и символичное. Трагизм повествования достиг своего апогея – отчаяние (в котором писатель словно бы предстал пред иконой «Взыскание погибших») беспредельно. Заглавно-титовая икона находится как бы вне пределов рассказа – составляет его затекстовый аксиологический фон, объект исповедания мира (и автора).

Однако Платонов писал рассказ в особенное время – *советское* и *военное*. Оба эпитета-характеристики диктовали особые законы творчества. И потому рассказ Платонова должен был быть переписан. Или дописан. В любом случае – изменен. По сути деформирован.

Отчаяние и уход героини мало согласовывались с жизнеутверждающей тенденцией советской (и военной) литературы, потому сон-смерть матери должен (должны) был обрести некий иной смысл (наполнение и направление), чем только избавление от страданий и невольной вины принесения в жизнь детей, для которых «еще... тут ничего не готово».

В окончательном тексте рассказа эксплицируется новый семантический пласт – выявление и демонстрация *небессмысленности* пребывания матери на этой земле. Потому в рассуждениях героини появляется несколько неожиданная и парадоксальная мысль-отрицание. Только что пребывавшая в полном равнодушии и отчуждении, героиня (после выразительной и сильной картины обезлюдевшего и поросшего свободной травой пустого мира) вдруг изменяется, изменяет себе, в ее мыслях-сознании появляется «но»: «Но сердце ее было добрым, и от любви к погибшим оно захотело жить за всех умерших, чтобы исполнить их волю, которую они унесли за собой в могилу» [Там же].

Тезис действительно парадоксален, ибо, во-первых, старуха так физически и духовно истощена, что сил жить дальше у нее нет и не может быть, во-вторых, желание «жить за всех умерших» и «исполнить их волю» ограничивается только мыслью-порывом, ибо писатель *позволяет* героине к утру умереть. Гуманистически вдохновенная мысль «повисает» в тексте, не находит поддержки – сердце героини «ушло». Правда, столько парадоксальным образом в тексте появляется «новый сын» старухи – красноармеец-танкист. Однако если бы прозаик действительно намеревался передать завет матери красноармейцу, то (как минимум) он должен был сделать героя молодым и сильным, услышавшим слова-мысль старухи и могущим пронести ее завет через всю свою жизнь, чтобы и дальше было «кому понять и унаследовать». Но парадоксальным же образом возникший в пространстве рассказа *сын* – «не столь молодой», точнее красноармеец «в годах», и наткнулся он на старуху случайно, желая что-то (этномологически) «посмотреть» и нечто «проверить»². Очевидно, что подобный поворот сюжетного действия неорганичен для текста и для писателя. Со всей очевидностью созданная Платоновым антиутопия (в том числе связанная и с военным временем) неорганично трансформируется в малоубедительную утопию, пронизанную узнаваемым пафосом советской литературы.

Заключительные абзацы платоновского текста насквозь пропитаны патетикой советского времени. Один только оборот «Полночная заря войны взошла вдалеке...» становится свидетельством изменения стиля и тона платоновской наррации. Горько бытийная тональность сменилась плакатным слогом советской прозы, умевшей провидеть светлое будущее:

«Мария Васильевна проснулась, и посмотрела в сторону огня на небе, и прислушалась к частому дыханию пушек. «Это наши идут, – поверила она. – Пусть скорее приходят, < пусть опять будет советская власть, она любит народ, она любит работу, она всему научает людей...>»³» [Там же].

Федоровская философская идея «воскрешения мертвых» – близкая Платонову – растворяется в уверенной чеканности словесной мощи соцреалистической тенденции и веры в счастливое будущее парадоксальным образом *осоветившейся* героини, дискредитируя и уплощая глубину условно «рассказа в рассказе» «Мать». Финал «Взыскания погибших» диссонирует с предшествующим повествованием, указывая и подсаживая «вторичность» и «искусственность» жизнеутверждающего эпилога, побуждая расчистить временные напластования и снять позднейшие чужеродные слои в архитектуре(-онике) рассказа.

И тогда – если принять этот подход за истинный – следует с новой точки зрения взглянуть на текст рассказа Платонова и предложить его новые интерпретации. В том числе – к образу иконы «Взыскание погибших» (и др.). Два рассказа (два варианта рассказа, рассказ в рассказе) наверняка дадут новые возможности прочтения текста, могут быть интерпретированы иначе и с иных точек зрения, обнаруживая инвариантные

¹ Один из самых сильных акцентов антигуманного состояния мира.

² В «Собрании сочинений» Платонова [7] приведенные характеристики отсутствуют. Однако купюры вряд ли не имеют отношения к собственному тексту Платонова.

³ В «Собрании сочинений» [7] текст в скобках отсутствует.

и вариативные интенции и выявляя невидимые прежде смысловые корреляты. Анализировать текст рассказа как цельный и единый вряд ли верно и перспективно с научной (и художественной) точки зрения.

Список источников

1. **Алейников О. Ю.** Агиографические мотивы в прозе Платонова о Великой Отечественной войне // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 144-145.
2. **Андрей Платонов. Мир творчества** / сост. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994. 432 с.
3. **Дужина Н.** «Постоянные идеалы» Андрея Платонова во второй половине 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 35-47.
4. **Икона «Взыскание погибших»** [Электронный ресурс]. URL: <https://pravgolos.ru/ikona-vzyiskanie-pogibshih-znachenie-v-chem-pomogaet/> (дата обращения: 19.05.2019).
5. **Колесникова Е. И.** Малая проза Андрея Платонова. Контексты. Художественные константы. Принципы публикации. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. 496 с.
6. **Платонов А.** Взыскание погибших [Электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/platonov-andrey/platonov10000.shtml> (дата обращения: 19.05.2019).
7. **Платонов А.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Время, 2010. Т. 5. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов. 367 с.
8. **Проскурина Е. Н.** Рассказ А. Платонова «Взыскание погибших»: духовный и автобиографический контекст // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 90-95.
9. **Скобелев В. П.** «Воскрешающая любовь к смертным» (от «Фро» к «Реке Потудань» и «Возвращению»: из наблюдений над поэтикой новеллы) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 621-628.
10. **Спиридонова И. А.** Взыскание погибших в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 194-213.
11. **Спиридонова И. А.** Икона в военных рассказах А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 343-350.
12. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. 984 с.

**IDEOLOGICAL AND STRUCTURAL STRATIFICATIONS
IN A. PLATONOV'S SHORT STORY "IN SEARCH OF THE PERISHING"**

Bogdanova Olga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
olgabogdanova03@mail.ru

In the paper, new perspectives on the consideration of Andrei Platonov's war short story "In Search of the Perishing" ("Mother") are presented. It is shown that the text of this well-known short story is actually not uniform and not much canonical since it was created in several stages and consists of various textual stratifications that are associated with the time when the story was written (Soviet and war), and it was mediated by the writer's multidirectional intents. The author of the article identifies the heterogeneous and extrinsic strata of the text, actually "clears up" a short story in the short story, which makes us take a fresh look at the interpretation of the "canonical" text, its hagiographic motives and Christian concepts-symbols including the iconographic name (after the miracle-working icon "In Search of the Perishing").

Key words and phrases: Russian prose; Andrei Platonov; short story "In Search of the Perishing" ("Mother"); narrative strata.

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 09.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.5>

В статье впервые рассматривается курсив как средство графического оформления в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Предпринятый анализ позволил выделить и описать самые распространённые функции курсива в данном произведении. Автор статьи стремится проследить взаимосвязь курсива с другими компонентами поэтики. Особое внимание уделяется изучению роли курсива в сюжетно-композиционной организации текста и в его образной системе. В результате обосновывается мысль, что возможности курсива направлены писателем на раскрытие основного, общественно-политического конфликта, а также на выражение авторских симпатий к своим персонажам.

Ключевые слова и фразы: И. С. Тургенев; роман «Отцы и дети»; графика художественного произведения; средство графики; курсив; шрифтовое выделение; функции курсива.

Борисова Ирина Михайловна, к. филол. н., доцент
Оренбургский государственный университет
iragridneva7611@mail.ru

КУРСИВ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В последнее время учёные всё больше проявляют интерес к вопросам графики художественных произведений. Один из них – применение поэтами и писателями курсивных маркеров в тексте. Курсив – наклонный